

появляло яхъ срываютъ, къ дереву бытъ отражены каульный. Три дни спустя, дерево было перенесено въ оранжерю, но такъ, какъ распоряженіе "объ отмѣтъ кауала, при помѣнѣ" по закону не использовано, то его и прородилъ, съдѣялъ до конца императора и въ послѣдствіи царствованиемъ до открытия этого каульного захоронения Императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

По мнѣнію газеты, адмиралы, поставленные на кауалъ при Крите, начинаютъ играть роль анекдотическаго часового при царесельскомъ помераніи.

Опасны для европейскаго равновѣса колонии. Всасос уже забылъ, когда онъ приѣхалъ на островъ; эмигранты "Этнографъ" давно уже возвращаются въ родину юноши и девушки. Христоане также спорадически рѣжутъ горла мусульманамъ, какъ мусульмане христоанамъ. Въ этомъ вопросѣ Биркъ, а адмиралы еще сидятъ тамъ угора и погоды ждутъ. Можетъ быть имъ тамъ живется очень хорошо, но ихъ присоединеніе, несомнѣнно, придется высокомъческому королю вѣтности европеянскаго конгресса на Востокѣ. Истекло лѣто, прошлое съѣзда въ Стамбульской земли, "Биркъ" все еще не вышелъ изъ предѣловъ концертныхъ балагнъ национальныхъ. Даже газеты, великолѣгно тренированные въ спорѣ выпускали уточку, вѣрили въ переумѣніе отъ обсужденія кандидатуры на постъ критскаго генерала-губернатора. Въ одной старинной газетѣ съѣзда въ Стамбульской земли, "Биркъ", говорятъ изъ зевакъ: "После этого, послѣшавъ его спасибо", посыпали онъ эти, пересмысливъ съ ноги на ногу на одинъ мѣсяцъ, на столько ладовъ и съ такими рудами, что биркъ тѣмъ временемъ имѣлъ полный досугъ только самимъ настоимъ разбрасывать утюги, но и быть стѣнденіемъ озирающимъ.

Такъ вотъ спасаютъ королевинъ деревья критское населеніе отъ азиатовъ, а Европу отъ превращенія мѣтнѣй смутъ въ общевроинскую войну. Хорошо, что какъ въ той оперѣ, такъ и въ этой "Лѣпѣй" не измѣнилось, что въ концѣ биркъ въ биркѣ, или генералъ-губернаторъ въ архипелагѣ, что онъ тонетъ, спускался преображеніемъ въ подводную часть сценъ и по боковъ лѣстницѣ всплылъ, проплылъ изъ себѣ въ уборную, губъ и ждетъ прескоиной выхода въ сценѣ спасибо. Критская публика смотритъ, какъ изъ общепринятія явленія, а возможностіи развитія, изъ самой межкрайности, войны между великими европеянскими державами не вѣрить уже нельзѣи однажды.

Оставайтесь же, господа адмиралы, при помераніи по добру по-дорогу!

Равязано, какъ видите, письма въ "Биркѣ" очень развязно...

Телеграммы.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

Петербургъ, 28 января, среда. Протоирей соборной церкви города Старобѣльска о. Касимовъ поклоняется орденъ св. Владимира четвертой степени.

— Товарищ предсѣдателя харьковского окружного суда Юровъ и членъ того же суда Вѣликовъ назначаются членами харьковской судебной палаты.

— Опубликовано о новомъ изданіи 1897 года устава воинской повинности.

— Проектъ учрежденія кievскаго политехникума предполагается внести въ Государственный Совѣтъ весной текущаго года.

— Въ половинѣ февралы открывается коммисія по земельному устройству и нородцевъ въ Закавказіи.

— Состояніе здравья высокопреосвященнѣаго Сергія, митрополита Московскаго и Коломенскаго, тѣжкое; большого вѣдомства посыпаются высокопоставленныи лица.

— Столичныи букинисты воспрещено приобрѣтать отъ неизвѣстныхъ лицъ книги, не разрѣзанные, даже давно изданные.

Одесса, 28 января, среда. Пароходомъ русскаго общества пароходства и торговли "Труворъ" спасено парусное судно "Елена", выѣздавшее въ теченіи пяти сутокъ на морѣ, со шкиперомъ и командой.

— Послѣ застоя, вызванаго штормами, ожидаются заграницы операциіи порта.

Симферополь 28 января, среда. Таврическій губернаторъ обратился съ возваніемъ къ мусульманамъ Таврической губерніи прекратить паломничество въ виду чумы, свирѣпствующей въ Индіи.

ПАРИЖЪ. 90
РОМАНЪ.
ЗИМЛЯ ЗОЛЫ.

Часть пятая.

Уже въ девять часовъ вечера залъ былъ переполненъ жаждущими и блестящей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой, какая наполнила театральный залъ въ дни великихъ драматическихъ торжествъ. Весь Парижъ, дефилировавшій угромъ въ разницѣ Мадлены, собралъ сюда, возбудившій все тѣмъ же любопытствомъ, все тѣмъ же желаніемъ невиданного и удивительного, тѣмъ же улыбкой и блескѣющей публикой

только, что они — евреи; кто дерзнет на то, на что дерзает Виктор Буренин, без чего он становился пренес и скучен?..

Мне казалось, что место графа Касинина, пославшего его ухом из покоя, долго еще будет оставаться свободным, къ винцу огорченою любителем птичных роганей, склонившимъ удачу въ семью жизни, съ проникновенiemъ въ чистыя и проч.

Но замѣтитель нашелъ. Это — Old Gentleman. Положимъ, что эти земли только подобны, но отнюдь не равны. Пускай шумъ, производимый г. Бурениномъ, ничто иное, какъ звукъ уличной драки съ приложеніемъ и съ лягушами, все же въ Буренинѣ есть что-то, что заставляетъ читателя говорить: «Вѣдь, быть; и противно, и топинъ, а не могу погнать фельетона не прочитать; ужъ быть о немъ!»

Приложенный къ нему эпитетъ, который же въ скромности опустилъ, словно бы говорилъ: «Гораздо ругаться!». И это что-то — талантъ г. Буренина, талантъ, который, очевидно, возможенъ, быть, и потому что нибудь не разбросано было полезное и поченное, чѣмъ ежедневно обливаниемъ помоями бѣльной группы лично антиаттическихъ демократовъ людей.

У Old Gentleman'a этого таланта нетъ. Въ немъ есть только безвѣтная распущенность, беззастѣнчивость и полное отсутствіе брезгливости. Это неопытныи, особенно въ антиаттическихъ «Новому Времени», какъ усвоены въ Old Gentleman'омъ очи, недавно, въ какъ нибудь пятьдесятыхъ лѣтъ, при чмѣльяхъ Великаго Ругателя бѣстро и усердно прогрессируетъ, и въ будущемъ обѣбываетъ такие фрукты, пе-рѣдъ которыми современникъ и Викторъ Петровичъ Буренинъ, чего добро, склонятъ свою постыдливость уличныхъ потасковъ головы. Но и это своеобразный джентльменъ стрѣлялъ своимъ ругательствамъ за личную защиту, до тѣхъ поръ пока можно было кое-какъ объяснить изысканный неподготовленный джентльменъ радиѣмъ общечѣнной подъѣзда и т. д., но теперь, когда и въ вѣршинахъ пумеръ «Новому Времени» прошелъ «Мотъ» г. Гольцманъ, на меня пахнуло чѣмъ то далеко не джентльменскимъ.

Было въ томъ, что г. Гольцманъ, онъ же Амфитеатровъ, написалъ письму, «Оправданія совѣтъ», которая, какъ и всѣ драматическихъ произведений сотрудниковъ «Нового Времени», упала съ рамы и сценѣ ли-тературно-аттическаго, т. е. суворинско-куражка. Письму эту выбрали изъ органовъ печати и, между прочимъ, изъ журнала «Театръ и Искусства», г. К. —

да критикуется литературное зведеніе, то авторъ его вѣрѣлъ ли въ выступающую въ роли собственника, а ужъ разъ выступилъ казалось бы, надо держаться за него и приличного тона, вози- и исключительно по существу

же дѣлаетъ писатель, развѣ- мѣнующій себѣ, престарѣлымъ лѣтнимъ? А вотъ, что преж- то, зная, что г. К. — евреи, зиниша азимофомъ:

Азимофъ! Азимофъ!

Рѣбѣтъ бытъ!

На Фонтанѣ

Воду пить.

Задѣлъ начинаетъ говорить о пись- да получаемыхъ имъ отъ читателей, письмахъ съ воскликнаніемъ: «Не- жужы! вы оставите это безъ ответа?» Исторія эта очень схожа съ исторіей Буренина о сорока тысячахъ курьерахъ, званихъ его управлять депар- таментомъ.

Что же дѣлаетъ писатель, разви- мѣнующій себѣ, престарѣлымъ лѣтнимъ? А вотъ, что преж- то, зная, что г. К. — евреи, зиниша азимофомъ:

Азимофъ! Азимофъ!

Рѣбѣтъ бытъ!

На Фонтанѣ

Воду пить.

Задѣлъ начинаетъ говорить о пись- да получаемыхъ имъ отъ читателей, письмахъ съ воскликнаніемъ: «Не- жужы! вы оставите это безъ ответа?» Исторія эта очень схожа съ исторіей Буренина о сорока тысячахъ курьерахъ, званихъ его управлять депар- таментомъ.

Что же дѣлаетъ писатель, разви- мѣнующій себѣ, престарѣлымъ лѣтнимъ? А вотъ, что преж- то, зная, что г. К. — евреи, зиниша азимофомъ:

Азимофъ! Азимофъ!

Рѣбѣтъ бытъ!

На Фонтанѣ

Воду пить.

Задѣлъ начинаетъ говорить о пись- да получаемыхъ имъ отъ читателей, письмахъ съ воскликнаніемъ: «Не- жужы! вы оставите это безъ ответа?» Исторія эта очень схожа съ исторіей Буренина о сорока тысячахъ курьерахъ, званихъ его управлять депар- таментомъ.

Что же дѣлаетъ писатель, разви- мѣнующій себѣ, престарѣлымъ лѣтнимъ? А вотъ, что преж- то, зная, что г. К. — евреи, зиниша азимофомъ:

Азимофъ! Азимофъ!

Рѣбѣтъ бытъ!

На Фонтанѣ

Воду пить.

Задѣлъ начинаетъ говорить о пись- да получаемыхъ имъ отъ читателей, письмахъ съ воскликнаніемъ: «Не- жужы! вы оставите это безъ ответа?» Исторія эта очень схожа съ исторіей Буренина о сорока тысячахъ курьерахъ, званихъ его управлять депар- таментомъ.

Что же дѣлаетъ писатель, разви- мѣнующій себѣ, престарѣлымъ лѣтнимъ? А вотъ, что преж- то, зная, что г. К. — евреи, зиниша азимофомъ:

Азимофъ! Азимофъ!

Рѣбѣтъ бытъ!

На Фонтанѣ

Воду пить.

Задѣлъ начинаетъ говорить о пись- да получаемыхъ имъ отъ читателей, письмахъ съ воскликнаніемъ: «Не- жужы! вы оставите это безъ ответа?» Исторія эта очень схожа съ исторіей Буренина о сорока тысячахъ курьерахъ, званихъ его управлять депар- таментомъ.

Что же дѣлаетъ писатель, разви- мѣнующій себѣ, престарѣлымъ лѣтнимъ? А вотъ, что преж- то, зная, что г. К. — евреи, зиниша азимофомъ:

Азимофъ! Азимофъ!

Рѣбѣтъ бытъ!

На Фонтанѣ

Воду пить.

Задѣлъ начинаетъ говорить о пись- да получаемыхъ имъ отъ читателей, письмахъ съ воскликнаніемъ: «Не- жужы! вы оставите это безъ ответа?» Исторія эта очень схожа съ исторіей Буренина о сорока тысячахъ курьерахъ, званихъ его управлять депар- таментомъ.

Что же дѣлаетъ писатель, разви- мѣнующій себѣ, престарѣлымъ лѣтнимъ? А вотъ, что преж- то, зная, что г. К. — евреи, зиниша азимофомъ:

Азимофъ! Азимофъ!

Рѣбѣтъ бытъ!

На Фонтанѣ

Воду пить.

Задѣлъ начинаетъ говорить о пись- да получаемыхъ имъ отъ читателей, письмахъ съ воскликнаніемъ: «Не- жужы! вы оставите это безъ ответа?» Исторія эта очень схожа съ исторіей Буренина о сорока тысячахъ курьерахъ, званихъ его управлять депар- таментомъ.

Что же дѣлаетъ писатель, разви- мѣнующій себѣ, престарѣлымъ лѣтнимъ? А вотъ, что преж- то, зная, что г. К. — евреи, зиниша азимофомъ:

Азимофъ! Азимофъ!

Рѣбѣтъ бытъ!

На Фонтанѣ

Воду пить.

Задѣлъ начинаетъ говорить о пись- да получаемыхъ имъ отъ читателей, письмахъ съ воскликнаніемъ: «Не- жужы! вы оставите это безъ ответа?» Исторія эта очень схожа съ исторіей Буренина о сорока тысячахъ курьерахъ, званихъ его управлять депар- таментомъ.

Что же дѣлаетъ писатель, разви- мѣнующій себѣ, престарѣлымъ лѣтнимъ? А вотъ, что преж- то, зная, что г. К. — евреи, зиниша азимофомъ:

Азимофъ! Азимофъ!

Рѣбѣтъ бытъ!

На Фонтанѣ

Воду пить.

Задѣлъ начинаетъ говорить о пись- да получаемыхъ имъ отъ читателей, письмахъ съ воскликнаніемъ: «Не- жужы! вы оставите это безъ ответа?» Исторія эта очень схожа съ исторіей Буренина о сорока тысячахъ курьерахъ, званихъ его управлять депар- таментомъ.

Что же дѣлаетъ писатель, разви- мѣнующій себѣ, престарѣлымъ лѣтнимъ? А вотъ, что преж- то, зная, что г. К. — евреи, зиниша азимофомъ:

Азимофъ! Азимофъ!

Рѣбѣтъ бытъ!

На Фонтанѣ

Воду пить.

Задѣлъ начинаетъ говорить о пись- да получаемыхъ имъ отъ читателей, письмахъ съ воскликнаніемъ: «Не- жужы! вы оставите это безъ ответа?» Исторія эта очень схожа съ исторіей Буренина о сорока тысячахъ курьерахъ, званихъ его управлять депар- таментомъ.

Что же дѣлаетъ писатель, разви- мѣнующій себѣ, престарѣлымъ лѣтнимъ? А вотъ, что преж- то, зная, что г. К. — евреи, зиниша азимофомъ:

Азимофъ! Азимофъ!

Рѣбѣтъ бытъ!

На Фонтанѣ

Воду пить.

Задѣлъ начинаетъ говорить о пись- да получаемыхъ имъ отъ читателей, письмахъ съ воскликнаніемъ: «Не- жужы! вы оставите это безъ ответа?» Исторія эта очень схожа съ исторіей Буренина о сорока тысячахъ курьерахъ, званихъ его управлять депар- таментомъ.

Что же дѣлаетъ писатель, разви- мѣнующій себѣ, престарѣлымъ лѣтнимъ? А вотъ, что преж- то, зная, что г. К. — евреи, зиниша азимофомъ:

Азимофъ! Азимофъ!

Рѣбѣтъ бытъ!

На Фонтанѣ

Воду пить.

Задѣлъ начинаетъ говорить о пись- да получаемыхъ имъ отъ читателей, письмахъ съ воскликнаніемъ: «Не- жужы! вы оставите это безъ ответа?» Исторія эта очень схожа съ исторіей Буренина о сорока тысячахъ курьерахъ, званихъ его управлять депар- таментомъ.

Что же дѣлаетъ писатель, разви- мѣнующій себѣ, престарѣлымъ лѣтнимъ? А вотъ, что преж- то, зная, что г. К. — евреи, зиниша азимофомъ:

Азимофъ! Азимофъ!

Рѣбѣтъ бытъ!

На Фонтанѣ

Воду пить.

Задѣлъ начинаетъ говорить о пись- да получаемыхъ имъ отъ читателей, письмахъ съ воскликнаніемъ: «Не- жужы! вы оставите это безъ ответа?» Исторія эта очень схожа съ исторіей Буренина о сорока тысячахъ курьерахъ, званихъ его управлять депар- таментомъ.

Что же дѣлаетъ писатель, разви- мѣнующій себѣ, престарѣлымъ лѣтнимъ? А вотъ, что преж- то, зная, что г. К. — евреи, зиниша азимофомъ:

Азимофъ! Азимофъ!

Рѣбѣтъ бытъ!

На Фонтанѣ

Воду пить.

Задѣлъ начинаетъ говорить о пись- да получаемыхъ имъ отъ читателей, письмахъ съ воскликнаніемъ: «Не- жужы! вы оставите это безъ ответа?» Исторія эта очень схожа съ исторіей Буренина о сорока тысячахъ курьерахъ, званихъ его управлять депар- таментомъ.

Что же дѣлаетъ писатель, разви- мѣнующій себѣ, престарѣлымъ лѣтнимъ? А вотъ, что преж- то, зная, что г. К. — евреи, зиниша азимофомъ:

Азимофъ! Азимофъ!

Рѣбѣтъ бытъ!

На Фонтанѣ

Воду пить.

Задѣлъ начинаетъ говорить о пись- да получаемыхъ имъ отъ читателей, письмахъ съ воскликнаніемъ: «Не- жужы! вы оставите это безъ ответа?» Исторія эта очень схожа съ исторіей Буренина о сорока тысячахъ курьерахъ, званихъ его управлять депар- таментомъ.

Что же дѣлаетъ писатель, разви- мѣнующій себѣ, престарѣлымъ лѣтнимъ? А вотъ, что преж- то, зная, что г. К. — евреи, зиниша азимофомъ:

Азимофъ! Азимофъ!

